

Фёдорова Ксения Валентиновна

ОШИБКИ ПРИ ОСВОЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОЛЯКАМИ И СЕРБАМИ (ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМ)

Статья затрагивает вопросы формального и семантического несоответствий между глагольными грамматическими системами родственных славянских языков. Параллельно с теоретическими выкладками определяются приемы подачи материала, могущие облегчить польским и сербским студентам освоение русской системы глагольных форм и приглагольных частей речи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 161-164. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

5. Донгак С. Языковая игра и обманутое ожидание [Текст] / С. Донгак // Критика и семиотика. - Красноярск: КГУ, 2001. - Вып. 3/4. - С. 78-84.
6. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка) [Текст] / М. А. Кулинич. - Самара: СамГПУ, 1999. - С. 78-83.
7. Кулинич М. А. Юмористические номинации в профессиональных подязыках [Текст] / М. А. Кулинич // Вестник факультета иностранных языков. - Самара: СамГПУ, 2001. - № 2. - С. 145-152.
8. Латышев Ю. В. Феномен юмора в социально-информационном взаимодействии: теоретико-методологический анализ: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. - Новосибирск, 2003. - 147 с.
9. Проскурина А. А. Английские юмористические дефиниции в оригинале и переводе // Иностранные языки: исследование по лингвистике, методике, страноведению: Сб. науч. ст. молодых ученых факультета ин. яз. - Самара: СамГПУ, 2000. - С. 78-83.
10. Радина Е. М. Лингвостилистические особенности короткого юмористического рассказа: опыт социо-прагматической интерпретации (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. - Пятигорск, 2002. - 19 с.
11. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В. З. Санников. - М.: Знак, 1998. - 544 с.
12. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты: Автореф. дис. .. д-ра филол. наук: 10.02.19. - Волгоград, 2004. - 39 с.
13. *How Stuff Works*. - N.Y.: Stuff publishing Co., 2003. - 97 p.
14. McGhee P. E. *Humour and Children's Development*. - New York: REIFLE, 1989. - 53 p.
15. Mulcaу M. *Laughter for Sale* // *Sociological Review*. - 1994. - № 42. - P. 481-500.

ОШИБКИ ПРИ ОСВОЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОЛЯКАМИ И СЕРБАМИ (ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМ)

Фёдорова К. В.

Казанский государственный университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Галиуллиным К. Р. и к.ф.н., доц. Копосовым Д. Р.

Статья затрагивает вопросы формального и семантического несоответствий между глагольными грамматическими системами родственных славянских языков. Параллельно с теоретическими выкладками определяются приемы подачи материала, могущие облегчить польским и сербским студентам освоение русской системы глагольных форм и приглагольных частей речи.

Считается, что русский глагол - несложный объект для изучения поляками и сербами, и объясняется это близостью славянских языков: так как глаголы и в русском, и в сербском, и в польском обладают одинаковыми категориями, то предполагается, что обучающиеся без труда поймут и начнут правильно употреблять формы этой части речи. Практика же показывает, что это не совсем так. Был проведён опрос студентов-поляков и студентов-сербов. Студентам, изучающим русский язык, сначала было предложено выполнить ряд заданий, связанных с употреблением глагольных форм русского языка, потом их попросили ответить, какие глаголы или глагольные формы вызывают наибольшие затруднения.

Как известно, глагол в русском языке обладает категориями вида, залога, наклонения, времени и лица. В этих грамматических категориях, как пишет Э. А. Балалыкина, глагол выражает значение действия [1: 5]. Также русский глагол имеет категорию числа и - в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения - рода.

Сербский глагол имеет время (настоящее, будущее и прошедшее), наклонение (изъявительное, повелительное и сослагательное); формы инфинитива, причастия и деепричастия. При спряжении глагола выражается лицо (1, 2, 3) и число (единственное и множественное). Причастия, как и в русском, имеют формы мужского, среднего и женского рода ед. и мн. числа. В формах глагола проявляются грамматические категории переходности/непереходности, залога и вида [3: 46-47].

Глагол в польском языке также «характеризуется богатством грамматических форм» [6: 47]. В нем различаются грамматические категории вида, залога, наклонения, времени, лица и числа, а в глагольных формах на -1 представлены также категории рода и личности/неличности. Родовые различия и выражения персональности характеризуют также причастные формы глагола, в которых они реализуются при склонении.

Проблемы при освоении «чужой» системы форм вызывают в разной степени все глагольные категории и приглагольные дериваты. В связи с этим, например, некоторые студенты, как поляки, так и сербы, изучающие русский, говорят о сложностях, возникающих при попытках спряжения некоторых русских глаголов, изменяющихся не по стандартным схемам. Речь идет о так называемых исторических чередованиях. Также и в сербском, и в польском языках гораздо чаще, чем в русском используется глагол-связка «быть» (польск. «być», серб. «бити»), что провоцирует ошибки типа «я есть студент/студентом» или «это есть хорошая идея» (калька с польск. «jestem studentem», с серб. «to је добра идеја»).

Гораздо чаще в польском языке, нежели в русском, употребляется конструкция с прямым дополнением в родительном падеже. Это глаголы, выражающие желание (chcieć - хотеть, pragnąć - жаждать, żądać - требовать), глаголы bronić - защищать, chronić - оберегать, pilnować - стеречь и т.п. Такое же управление имеют глаголы, лексическое значение которых выражает запрет, противоречие, отрицание, например, przeczycь - перечесть, zaprzeczycь - запретить, zabraniać, zakazywać (nie pozwalacь) - запрещать, zapominać (=nie pamiętać) -

забывать, unikać - избегать. В предложениях с отрицанием прямое дополнение в родительном падеже выступает значительно последовательнее, чем в русском языке: nie czytałam tej książki, nie oglądałam tego filmu (сравнить русск. «я не читала этой книги (эту книгу)», «я не видела этого фильма (этот фильм)»). В польском языке почти не встречаются вариантные формы указанного типа [6: 48].

Значения возвратных глаголов в большинстве случаев совпадают с их значениями в русском языке, однако «глаголы активно-безобъектного значения, называющие постоянные характерные свойства производителя действия (так называемые глаголы потенциального действия), типа *sobaka kusaється, kot drapie, pokrzuwa parzy*» [6: 49]. Интересно, что, по замечанию А. С. Посвянской, в отличие от русского языка польские «возвратные конструкции, выступавшие в двусоставных личных предложениях с именительным прямым объектом (типа *książka się czyta* - «книга читается», *obrazy się malują* - «картины пишутся»), в конце XIX - начале XX веков окончательно вытеснены конструкциями типа *książkę czyta się łatwo* «книга читается легко»» [6: 49-50].

Будущее время в польском языке, как и в русском, имеет две разновидности: будущее простое и будущее сложное. Однако будущее сложное время в польском языке имеет два варианта образования, а именно вспомогательный глагол *być* + инфинитив и *być* + причастие на -і спрягаемого глагола, и, несмотря на то, что эти формы равнозначны, все же, согласно утверждению Посвянской и еще ряда специалистов, второй тип употребляется в современном польском языке гораздо чаще. Сама Посвянская объясняет это тем, что «эта форма дает более полную информацию о лице деятеля: имеется указание на род (в ед. ч.) и на личное или неличное значение» [6: 53]. Этот факт может вызвать у польских студентов затруднения при изучении русского, так как неоднократно были зафиксированы фразы типа «я буду читал» вместе «я буду читать» или «я буду лежал» вместо «я буду лежать».

Можно еще долго описывать индивидуальные черты польской глагольной системы, но мы не будем углубляться в эту тему, ведь, например, такие яркие системно-языковые характеристики польского языка, как наличие родовых различий у глаголов в прошедшем времени, будущем сложном и условном наклонении, присутствие у глаголов в повелительном наклонении формы 1 лица мн.ч. (*czytajmy*) и описательных форм 3 лица ед. и мн. ч. (*niech czyta i niech czytają*) не вызывают у обучающихся проблем. Данные факты грамматики, как правило, хорошо объясняются преподавателями, да к тому же еще и носят сугубо индивидуальный языковой характер, так что спутать с русскими формами их трудно. Необходимо отметить, что и вышперечисленные случаи возможных ошибок достаточно редки, все зависит от качества обучения и количества времени, на него потраченного. Как выяснилось, наиболее «опасным» и сложным для изучения объектом русской глагольной системы для поляков является причастие. В отличие от деепричастия, очень похожего на польское и своим грамматическим значением, и способом образования, русское причастие способно вызывать у польских студентов затруднения.

В отличие от русского, в польском языке представлены только две формы причастий: действительное причастие настоящего времени и страдательное причастие прошедшего времени. Действительное причастие образуется от основы настоящего времени глагола (выделяемой в форме 3-го лица мн.ч.) с помощью суффикса -ący и соответствующих родовых окончаний: *czytający/a/e, mówiący/a/e, biorący/a/e, umiejący/a/e* и так далее. Не образуются действительные причастия от глаголов совершенного вида. То есть мы видим прямой аналог действительным причастиям настоящего времени в русском языке, образующимся также исключительно от глаголов несовершенного вида с помощью определенных суффиксов и с присоединением родовых окончаний. Страдательные же причастия образуются от основы прошедшего времени переходных глаголов совершенного и несовершенного вида с помощью суффиксов -n(y), 'on(y), t(y). С помощью суффикса -n- образуются страдательные причастия от глаголов прошедшего времени с основой на -a, -owa, -e, которое чередуется с -a: (na)pisany, (prze)czytany, (z)budowany, (prze)cierpiany. Суффикс -on(y) присоединяется к гласным основам на -i(y): (o)broniony, (za)suszony, pędzony, chwalony и к основам на согласный (кроме согласных r, ł): (za)gryziony, (za)niesiony, (s)pleciony, (u)pieczony. С помощью суффикса -t(y) образуются страдательные причастия от корневых основ на гласный и на согласные r, ł: (wy)питы, (za)крыты, psuty, wzięty, (wy)tarty, (s)tarty. От глаголов на -ną - страдательные причастия образуются двояким образом: от одних глаголов с помощью суффикса -on-: *zaginał- zaginiony*; от других - заменой -ną на -nię и присоединением суффикса -t-: *osiągnąć - osiągnięty*.

Таким образом, действительные причастия прошедшего времени и страдательные причастия настоящего времени - это нечто априори неведомое для носителей польского языка, нечто не имеющее аналогов в родном языке, а потому и способное вызвать многочисленные затруднения при образовании и употреблении. Перед нами ряд парных образований: *czytający* - читающий, *rysowany* - рисованный, *przeczytany* - прочитанный, *rozbity* - разбитый, *przyniesiony* - принесенный, но невозможно подобрать равнозначный эквивалент к русским «решавший», «росший» и «знаемый» и «влекомый». Действительные причастия прошедшего времени и страдательные причастия настоящего времени в польском языке мотивируются глаголами другого вида, например, *czytany* (от *czytać*, несов. вид) - читаемый, *przeczytany* (от *przeczytać*, сов. вид.) - читанный, прочитанный и т.д.

В сербском языке картина выглядит несколько иначе, но русское причастие для студентов-сербов составляет не меньшую проблему. Сербские причастия страдательного залога соответствуют по происхождению и употреблению русским страдательным причастиям прошедшего времени и являются единственным возможным видом причастий в сербском языке. Правда в некоторых случаях они принимают на себя функ-

цию утраченных [3: 63] страдательных причастий настоящего времени. Причастия страдательного залога образуются от инфинитивной основы переходных глаголов присоединением суффиксов -н, -ен, -т: штампати (печатать) - штампан, плести (вязать) - плетен, ганути (растрогать) - ганут. Подобная языковая ситуация и вызывает сложность в изучении действительных причастий русского языка, наличие неточностей в их образовании и использовании. С деепричастиями же, как и у носителей польского языка, у сербов проблем, как правило, не возникает. Значение и образование сербских деепричастий параллельны русским, разве что деепричастия в сербском «употребляются свободнее, чем в русском» [3: 63]: Улазећи у кућу заплуснуо нас је топао ваздух (С. Яковлевич). В русском языке в подобных случаях выступает придаточное предложение времени: Когда мы входили в дом, нас охватило/обдало жарким/горячим воздухом.

Сербский инфинитив часто заменяется особой конструкцией, которая состоит из частицы «да» и формы настоящего времени: «морам ићи // морам да идем» - «я должен идти». И в современном сербском частота употребления конструкции с «да» стремительно возрастает [3: 53]. Это различие серьезное и интересное, однако путаница у изучающих русский язык возникает минимальная и возможна лишь на начальном этапе обучения, так как ситуация применения конструкции вариативна и есть позиции, в которых она почти полностью вытеснила инфинитив, и позиции, в которых инфинитив и конструкция с «да» сосуществуют [3: 53].

В сербском языке так же, как и в русском, и в польском, существуют простые и составные формы повелительного наклонения. Простые формы употребляются во 2 л. ед.ч. и в 1 и 2 л.мн.ч. (от глагола питати (спросить): питај, питајмо, питајте). Составные формы образуются соединением частицы «нека (нек)» или частицы «да» с личными формами настоящего времени. «Нека» употребляется только лишь с формами 3 л.ед. и мн.ч.: «нека каже» - пусть скажет, но «да знаш» - знай. И так же, как и польские студенты, сербы обычно не смешивают русские формы повелительного наклонения с русскими. Однако непросто обстоит дело с формами будущего времени, которых в сербском целых три: два сложных образования, будущее I или будущее независимое и будущее II или будущее зависимое (сложное), и будущее III или будущее зависимое простое, которым называют формы настоящего времени глаголов совершенного вида, выражающие в придаточных предложениях значение будущего времени. Формы будущего I образуются соединением форм настоящего времени вспомогательного глагола «хтети» (главным образом краткие, энклитичные формы глагола) и инфинитива знаменательного глагола. Формы же будущего II состоят из причастий на -л и форм настоящего времени глагола «бити». Формы настоящего времени совершенного вида в сербском, в отличие от русского языка, не имеют в главных предложениях значения будущего времени. Но в придаточных предложениях они в этом значении употребляются наряду с формами будущего II. Именно поэтому настоящее время совершенного вида, выражающее в придаточных предложениях значение будущего, и может быть причислено к формам будущего времени и названо будущим зависимым простым или будущим III. По значению эти формы близки к будущему II, они выражают действие, которое осуществится в будущем ранее другого действия: Мрдне ли ко, пуцаћу (М. Олячя) - Если кто пошевелится, буду стрелять. Такие языковые нюансы отражаются при изучении русского языка иностранными студентами, неизбежно смешение правил употребления 3 различных форм, смешение видовых значений.

Так мы постепенно добрались до категории глагольного вида. М. Букарица в своей статье «Один тип ошибок носителей хорватского (сербского) языка в обозначении повторяемости действий в русском языке» констатирует: ошибочно полагать, что сербские студенты легко освоят глагольный вид в русском только потому, что сербский язык так же, как и русский, обладает этой категорией. Автор статьи описывает все виды ошибок, которые способен допустить сербский студент, обучающийся русскому языку, на разных этапах: так, на первом курсе часты ошибки при словообразовании видовых пар. Хотя в сербском языке имеются те же средства образования видовых пар, что и в русском, «их продуктивность и дистрибуция в двух языках различаются, так что формы отдельных видовых пар в хорватском (сербском) и русском языках обычно не совпадают, что может быть причиной ошибок» [8]. По нашим наблюдениям студенты при попытке составить высказывание на русском языке подыскивают подходящую по смыслу лексическую единицу, нужный глагол, не задумываясь, какая видовая «форма»- совершенный или несовершенный - соответствует их высказыванию и (обычно) является единственно верной. Подобные ошибки с той же частотой совершают и поляки. Во избежание этого М. Букарица советует знакомить студентов не только с самими формами глаголов, но и со значениями видов, т.к. вид - категория словообразовательная. Студенты 2 курса, по мнению автора статьи, уже вполне успешно с этим справляются и на данном этапе изучения необходимо решать уже иную проблему. Повторяющиеся действия в русском и сербском языке выражаются глагольными формами несовершенного вида в прошедшем, настоящем и будущем времени. Действия, повторявшиеся в прошлом, обозначаются прошедшим временем несовершенного вида. Дело в том, что, как только студенты начинают описывать «повторявшиеся в прошлом события, которые у них вызывают ностальгические воспоминания, они как будто забывают все, чему научились (известно, что эмоции могут помешать мысли)» [8]. И таким образом в речи сербских студентов появляется вместо прошедшего времени сослагательное наклонение. Пример из статьи «Один тип ошибок носителей хорватского (сербского) языка в обозначении повторяемости действий в русском языке»: *Я ее встречал каждое утро, когда на утреннем трамвае ездил на работу. Она вошла бы в трамвай на Площади республики и выходила бы на последней остановке. В трамвае она никогда не садилась бы, а осталась бы стоять на задней платформе. И никогда ни с кем не разговаривала бы.* Когда студентам было предложено найти, обдумать и исправить ошибки, они исправили вид, но не наклонение. Естественно, ошибки такого типа возникают под влиянием родного языка. Сербским

формам сослагательного наклонения свойственно выражать значения, близкие к тем, какие имеют соответствующие русские формы, т.е. чаще всего значение возможности или желательности действия: *Купила бих дыню.* (=Я купила бы дыню). Но эти формы в сербском используются также для выражения действий, неоднократно повторявшихся в прошлом: *А често, испрва тихо, за себе, доцније јаче и гласно, почео би да пева* (Б. Станкович). (=Часто, сначала тихо, про себя, затем сильнее, громко, он начинал петь).

В сербском языке при обозначении повторных прошедших действий очень важно, констатируются ли в высказывании события, которые происходили в прошлом, но могут также повторяться в любое время (в момент речи, в будущем) или же речь идет об эмоциональных воспоминаниях, о событиях, которые происходили где-то в прошлом, но там и остались, безвозвратно прекратились и к настоящему моменту (моменту речи) отношения не имеют. В первом случае в обоих языках употребляется глагол в прошедшем времени несовершенного вида. Во втором же случае для сербского характерно употребление сослагательного наклонения совершенного или несовершенного вида. В русском языке «такой транспозиции сослагательного наклонения не бывает» [8], поскольку в сербском, в отличие от русского, такое обозначение прошедших событий эмоционально окрашено. Как было подмечено в цитируемой работе: «такое переносное значение не свойственно русскому сослагательному наклонению» [8].

Наконец, сербской конструкции с сослагательным наклонением в русском могут соответствовать самые разные формы выражения: глаголы несовершенного вида прошедшего времени, о чем подробно говорилось выше, глагольная форма «бывало» в сочетании с глаголом в прошедшем или настоящем времени или с глаголом совершенного вида простого будущего времени, глаголы совершенного вида простого будущего времени (где простое будущее время функционирует в плане прошедшего времени), конструкция с глагольной формой «стоило» и инфинитивом глагола совершенного вида (таким способом можно подчеркнуть быстрое и неизбежное наступление какого-либо следствия или результата), синтаксические средства (сложноподчиненные временные, условные и уступительные предложения с союзами *когда, как, лишь, только, если, что бы ни, где бы ни* и др., а также предложениями с повторяющимися парными союзами *то..., то..., или..., или...*) и лексические средства с помощью *иногда, часто, обычно, всегда, время от времени* [8]. Само собой разумеется, студентам непросто освоить все вышперечисленные средства выражения одного значения и тем более научиться правильно подбирать определенную форму или конструкцию.

Интересно, что в современном польском языке глаголы совершенного вида могут употребляться в форме прошедшего времени также и для передачи значения регулярно повторяющегося действия [3: 47]. В таких конструкциях часто используются лексические показатели регулярности действия и повторения: *codziennie spotkał ją w ogrodzie miejskim* (ежедневно/каждый день он встречал (дословно «встретил») ее в городском саду).

Итак, мы можем сделать вывод о том, что наиболее трудными для западных и южных славян в рамках глагольной системы русского языка оказываются причастие и категория глагольного вида. Таким образом, наша работа приобретает и практическую значимость: статья, надеемся, может принести пользу при разработке методик обучения западных и южных славян русскому языку.

Список использованной литературы

1. Балалыкина Э. А. Современный русский язык. Морфология / Э. А. Балалыкина. - Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. - Часть II: Глагол. Служебные части речи. Междометия. Модальные слова.
2. Григорьева Р. И. Краткий сербскохорватско-русский словарь (к словарю приложены составленные А. Беличем «Краткие сведения по грамматике сербскохорватского языка») / Р. И. Григорьева. - М., 1960.
3. Гудков В. П. Сербохорватский язык: грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарём / В. П. Гудков. - М.: Изд-во Московского университета, 1969.
4. Кротовская Я. А., Кашкурович Л. Г. Учебник польского языка / Я. А. Кротовская, Л. Г. Кашкурович. - М.: ВШ, 1987.
5. Попова Т. П. Сербско-хорватский язык / Т. П. Попова. - М.: ВШ, 1986.
6. Славянские языки (очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков) / Под ред. Широковой А. Г., Гудкова В. П. - М.: Изд. Моск. ун-та, 1977.
7. *Słownik Plus polsko-rosyjski, rosyjsko-polski + gramatyka* / Redakcja N. Celer, A. Witek. - Warszawa: Langenscheidt Polska Sp. z o. o., 2004.
8. <http://ruslang.edu.ru/biblos/medod/61/>.

ИНТРОСПЕКЦИЯ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ВНУТРЕННЕГО МИРА ПЕРСОНАЖА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Федотова О. С.

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Чепель Н. П. и к.ф.н., доц. Татановой Л. И.

В данной статье исследуется роль интроспекции при анализе внутреннего мира персонажа англоязычной художественной прозы. Мы полагаем, что если читателю доступны мысли и чувства персонажа, он может лучше понять мотивацию действий персонажа. Поэтому мы считаем важным уделить внимание лексико-стилистическим сред-